

Н. И. ДЕВЯТАЙКИНА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В КУЛЬТУРЕ РАННЕГО РЕНЕССАНСА (ПО СОЧИНЕНИЯМ ПЕТРАРКИ 1350-1370 ГОДОВ)

Анализ сочинений «О средствах против превратностей судьбы», «Путеводитель к Гробу Господа нашего Иисуса Христа», «Против того, кто хулит Италию» позволяет выяснить частоту и смыслы названия «Италия», понятий «родина», «отечество», «нация», «национальность», «италик». Вывод: большой вклад в утверждение чувства нации гуманист внес своей собственной жизнью и культурным патриотизмом; гипотезы: о значимой роли культурного прошлого и интеллектуалов в формировании национального характера и традиций.

Ключевые слова: *Петрарка, нация, культурный патриотизм, Италия.*

До сих пор не выявлено, можно ли вообще говорить применительно к эпохе Ренессанса о национальных чертах «характера», или хотя бы об устойчивом чувстве культурного единства, понимании общности истоков Италии современниками – гражданами отдельных городов-государств, областей, герцогств, королевств. С другой стороны, не до конца понятно, какую роль в формировании национальной идентичности сыграли ренессансные интеллектуалы, деятели культуры, в какой связи находится культурно-историческое прошлое и «национальный характер», как они соотносятся. Приоткрыть завесу над этими большими вопросами дает возможность и творческое наследие Петрарки.

Часть авторов середины и второй половины XX в. (Де Маттеи, Т. Моммзен, Э. Х. Уилкинс, У. Дотти, Дж. Билланович) уверенно связывали с именем первого гуманиста, поэта Франческо Петрарки (1304–1374) рождение итальянской национальной идеи, при этом не раскрывая во всей полноте, как шло складывание этой идеи, насколько она оказывалась соотносенной с культурным контекстом его сочинений, поразному расставляя акценты с указанием на «римский» патриотизм Петрарки и т.д. Другие, чаще всего историки литературы, шли за старыми авторами (из русскоязычных – за Шепелевичем и другими), полагая, что Петрарка был «гражданином мира», космополитом, уповал на империю и императора, оставался равнодушен к политической раздробленности своей родины и т.д., т.е. вообще не считали возможным обращаться к сочинениям гуманиста для уяснения идеи нации или влияния ренессансного гуманизма на формирование национального характера.

За последние 20–25 лет интерес к Петрарке как общественно-политической фигуре заметно усилился. Уго Дотти, один из самых известных современных исследователей раннего Ренессанса, на конференции, посвященной 700-летию со дня рождения гуманиста, сделал большой доклад о направлении развития его политических взглядов. Исследователь пришел к выводу о том, что Петрарка полностью избавился от упований на императора и от идеи усиления Римской империи в ее средневековом германском варианте¹. Главные политические темы (среди которых и идея нации), проходящие через все тексты Петрарки, сделал объектом анализа Г. Балдассари². Как *homo politicus* обозначил Петрарку в заглавии своего недавно вышедшего труда один из чешских исследователей³. Две последние части его монографии посвящены выявлению характера «национализма» Петрарки, но, к сожалению, автор не ставит вопрос о роли гуманиста в формировании идеи нации.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть, какое место занимала тема Италии и «нации» в сочинениях Петрарки, написанных в «миланский период» (между 1354 и 1361 гг.), и в одной из инвектив, появившейся в самом конце жизни, когда он горячо радел по поводу возврата папского престола в Рим. Как известно, первую половину своей жизни поэт, будучи сыном флорентийского политического изгнанника, прожил вне Италии, в Авиньоне или вблизи него в местечке Воклюз. В Италии бывал не один раз, но наездами. В 1353 г. принял окончательное решение переселиться на родину. Получил несколько приглашений, выбрал для начала Милан. За несколько лет жизни там многое в общественной жизни страны уяснил на личном опыте, через общение с правителями не только Милана, но и других городов-государств, в которых бывал с дипломатическими поручениями, чаще всего связанными с военно-политическими конфликтами. Бедственное состояние раздираемой усобицами Италии ежедневно и ежечасно было у него перед глазами, не выходило, судя по письмам и сонетам, из головы и сердца. Как и везде, в Милане Петрарка очень много работал: за несколько лет написал огромный трактат «О средствах против превратностей судьбы» (254 диалога), рассматриваемый здесь с точки зрения развития идеи нации⁴. Добавим,

¹ *Dotti*. 2006. P. 205–218. Новые подходы обозначались и в докладах, звучавших на симпозиуме в Арещо, на родине Петрарки. – См.: *Petrarca politico...* 2006.

² *Baldassari*. 2006.

³ *Špička*. 2010. P. 211–253.

⁴ *Petrarque*. 2002a. Vol. 1–2. Это научное издание представляет собой воспроизведение латинского текста сочинения и его перевод на французский язык, снабженный обширным комментарием, вступительными разделами и указателями.

что диалоги разделены на две книги. В первой речь идет о средствах против счастливой фортуны (122 диалога), во второй – против несчастной (132 диалога). Участниками диалогов выступают аллегорические персонажи: в первой книге – Разум, Радость и Надежда, во второй – Разум, Страх и Печаль. В латинском языке слова, использованные Петраркой как имена, – мужского, среднего и женского рода, но как выясняется из анализа текста, и Разум, и его собеседники говорят о себе в мужском роде, т.е. беседы идут исключительно между персонажами-мужчинами.

Трактат заинтересовал ученых на рубеже XIX–XX вв., его серьезный анализ предпринял в своей замечательной диссертации М. С. Корелин, выявив, что перед читателем – первый манифест гуманистического представления о жизни, обществе и человеке⁵. Но потом интерес к сочинению угас, от него «отмахнулись» вначале литературоведы как от самого средневекового текста Петрарки, а за ними – и историки с философами. Только к концу XX столетия трактат вновь по-настоящему заинтересовал ученых. И этот интерес нарастает⁶. Но до системного изучения интересующих нас вопросов дело пока не дошло.

Параллельно с трактатом «О средствах» возникло еще одно небольшое сочинение, практически не вовлеченное в научный оборот в русскоязычной историографии. Речь идет о «Путеводителе к Гробу Господа нашего Иисуса Христа» или «Итинерарии». Петрарка составил его за несколько месяцев по просьбе миланца Джованни Манделли, вручив ему текст 4 апреля 1358 г.⁷ «Итинерарий» интересовал зарубежных исследователей с точки зрения культурной и географической эрудиции Петрарки⁸. Между тем сочинение содержит, на наш взгляд, серьезный подтекст, вобравший гуманистические идеи, культурные и политические пристрастия, знание времени. В нем проступает тема Италии, вопрос о Вергилии как культурного «гиде» путешественника, о роли самого Петрарки как культурного объединителя, «связного» в ситуации политически раздробленной страны. В таком аспекте, насколько можно судить, «Itinerarium» не рассматривался.

Наконец, своеобразным итоговым текстом, связанным с Италией, можно назвать инвективу «Против того, кто хулит Италию», написанную в 1373 г. в форме письма к Угуччоне да Тиене, представителю ста-

⁵ См.: Корелин. 1914. С. 3–23 и многие другие.

⁶ Špička. 2005; Lentzen. 2006; Rivella. 2006; Gallico. 2005; Laurdens. 2007.

⁷ Petrarca. 2002b. Данное издание — факсимильное воспроизведение рукописного текста с параллельным английским переводом-подстрочником, солидными комментариями и обстоятельной библиографией.

⁸ См. об этом специально: Cachey. 1997; Petrarch's Guide...

ринной знатной семьи, который встречался Петраркой в Падуе и, очевидно, подтолкнул его к созданию сочинения. Инвектива стала ответом Жану де Исдэну (современник Петрарки, схоласт, получивший образование в Париже и служивший у авиньонских кардиналов и других духовных лиц), который критиковал послание Петрарки к папе Урбану V (1362–1370). В нем гуманист призывал главу церкви вернуть престол из Авиньона в Рим. В инвективе Петрарка доказывает приоритет Рима.

Таким образом, перед нами сочинения трех разных жанров. Попытаемся выявить, что в них связано с темой Италии, обнаруживаются ли общие вопросы, идет ли развитие идеи.

Начнем с простого: определим, насколько часто встречается понятие «Италия» в диалогах трактата «О средствах», и какими смыслами оно там наполнено. Название «Италия» вспоминается примерно в 20-ти диалогах, т.е. почти в каждом десятом тексте⁹. Забегая вперед, заметим, что «присутствует» Италия прошлого и настоящего едва ли не в каждом диалоге. Имя страны Петрарке привычно, оно часто фигурирует в текстах в одном ряду с «Германией», «Британией», «Испанией», «Египтом», «Арменией»; может стоять рядом с «Африкой», «Понтом», «Галлией», «Фессалией»¹⁰. Среди названий есть исторические, географические, современные Петрарке государственные и иные обозначения. Они встраиваются в соответствующие контексты, связанные с прошлым или настоящим. Но во всех контекстах «Италия» прочитывается как страна или государство. В приложении к XIV в. Италия также обозначается как одна из *стран*, независимо от ее политического разделения на многие десятки упомянутых выше малых и больших городов-коммун, синьорий, тираний, королевств, областей (вроде Патримониума Св. Петра) территорий.

Обратимся к выявлению основных смыслов и контекстов использования наименования Италия, разбросанного в текстах на самые разные темы. Так, в диалогах «О драгоценных камнях» (I, 37) и «О бокалах из драгоценных камней» (I, 38) «Италия» встречается в трактате впервые. И уже в первом диалоге при рассказе о победе римских консулов начала III в. до н.э. Фабриция и Курия над Пирром, царем Эпира, используется как привычный оборот «изгнание из Италии», указывающий, что речь идет об особой территории, чужой для Пирра. В обоих диалогах в острой полемике между Разумом и Радостью по поводу рос-

⁹ См.: *Petrarca*. 2002a. Vol. I. Lib. I, dial. 31; 37; 38; 41; 54; 60; 69; 112; 118; Lib. II, dial. 5; 9; 13; 21; 32; 91; 125; 132 etc. Здесь и далее римская цифра означает номер книги трактата, арабская — номер диалога.

¹⁰ *Ibid.* I, 69. P. 322 etc.

коши не один раз припоминается Помпей, «который совершил триумф в Италии». Вместе с триумфом, «было перевезено в Рим»¹¹, по мнению главного персонажа, увлечение драгоценными камнями и иноземными бокалами. Очевидно, что здесь «Италия» для Петрарки – исторически давнее, с античных времен существующее название страны, особой земли, нравы которой во времена Помпея, создателя в Передней Азии нескольких новых провинций Рима (60–е гг. до н.э.), были «испорчены» чужой, «иноземной» роскошью. «Италия» противопоставляется «Азии», откуда в Рим, по словам Разума, и пришло «это сумасбродство». Подобное противопоставление также свидетельствует о четком понимании того, что Италия уже в древности имела свои общественные традиции, которые можно рассматривать как один из истоков чувства нации.

В диалогах Петрарка использует и такие определения как «восток», «части света» и проч. Тот же Помпей, «победив восток (*oriente perdomito*), с переменной места переменялся и сам, вернулся другим из другой части света (*alia parte orbis*)»¹². Ясно, что Петрарка указывает одновременно на исторические и территориальные ориентиры, позволяющие воспринимать Италию как особую единицу в «круге земель». Нередко, начиная с диалога «О драгоценных камнях», он говорит об иных странах, их порядках, обычаях, воинах как о «чужой силе» (*aliena vis*), «чужом вероломстве» (*aliena perfidia*). Говорит о «воинственном народе испанцев» (*Hispanos bellicosam gentes*), которых победил Помпей, и о том, что войско полководца победили «мало воинственные и плохо вооруженные азиаты» (*imbelles et inermes Asiaticos*)¹³, а он сам покорился «азиатской роскоши» (*Asie delitias*). Петрарка в этом и во многих других текстах противопоставляет «Азию» (*Asia*) и «латинский круг земель» (*orbem Latium*), в составе которого разумеет Италию.

Помпей не раз дает повод вспомнить его, а вместе с ним Италию, и в других диалогах, в том числе – на очень специальные темы. Так, в диалоге «О предсказаниях гаруспиков» (I, 112) Помпей вспоминается как член триумvirата, участникам которого была предсказана «счастливая старость и прекрасная смерть на родине»¹⁴. Дальше Петрарка еще раз обнаруживает историческую эрудицию и детальное знание свидетельств римских авторов: «А насколько это оказалось так, ты не пове- ришь своим ушам: все они погибли от железа. Двое – далеко от Ита-

¹¹ Ibid. I, 38. P. 198. Перевод на русский язык: *Петрарка*. 2008. С. 59–64.

¹² *Petrarca*. 2002a. I, 37. P. 184.

¹³ Ibid. P. 186.

¹⁴ *Петрарка*. 2008. Диал. 112. С. 170.

лии». Вновь имя «Италия» обозначает страну, родину, государство. Петрарка сближает прошлое и настоящее, он «перешагивает» через все Средневековье, обращаясь к случаю из древности как к совсем недавнему событию, из которого его современник должен извлечь для себя уроки. Давнее прошлое рисуется как «свое», с которым настоящее не потеряло связи, из которого можно и должно черпать примеры.

На национальную идею и формирование чувства гордости ее великим героическим прошлым «работали» и напоминания вроде того, что Сципиону Африканскому как «освободителю Италии» было решено установить статую (I, 41). Любопытно и «вводное рассуждение» Разума: «Некогда статуи были свидетельством добродетелей. Они возводились тем, кто совершил великое или принял смерть за отечество»¹⁵. Обозначение Италии как «родины», «отечества» (I, 37, 38, 60 и др.), восхваление римских деятелей и героев как «светочей отечества», а просто италиков как «предков», «прадедов», «дедов» присутствует в диалогах настолько часто, что вырастает в отдельную тему исследования. Здесь остается указать на эти определения как на «маркеры» темы общего прошлого, дорогого всем, в современном словоупотреблении – национального.

Редко гуманист и вовсе стирает грань между римским прошлым и настоящим, «Италии» продолжает служить в таких случаях естественной составляющей, стержневым историческим знаком этой связи. В далеком от политических сюжетов диалоге «О добыче золота» (I, 54) Разум, рассуждая о вреде драгоценных металлов, дурных страстях, порождаемых жадной богатств, припоминает «древнее решение», по которому в «Италии добыча золота была запрещена»¹⁶. Он явно сожалеет, что этот закон не работает, будто стоящий за ним Петрарка не знает, что в Италии его эпохи нет общих законов, они у каждого из государств свои и могут быть использованы только в его пределах. «Юридическая археология» работает, как и многое другое, на формирование представления об историческом единстве Италии, общих корнях, пробуждают национальное сознание, закладывают чувство национального патриотизма.

Диалоги трактата «О средствах» конструируют Италию как страну, государство, родину, отечество с великим прошлым, которое Петрарка раз за разом находит случай актуализировать. Обращение к прошлому за примерами, в том числе общественными, и есть один из способов превращения гуманистом «археологии» в объект национальной гордости. Кроме того, диалоги, по сути дела, начинают возвращать современников

¹⁵ Там же. Диал. 41 «Об изваяниях». С. 69.

¹⁶ Там же. Диал. 54 «О добыче золота». С. 137.

гуманиста к утраченным за несколько веков понятиям исторической родины не как отдельной коммуны, синьории, но как единой Италии с общим для всех прошлым. Эта Италия имеет выраженные территориальные очертания, место среди других, выражаясь современным языком, геополитических единиц, она обособлена за счет выделения из круга европейских стран и культурно-географической «оппозиции» Азии.

Чтобы уяснить, насколько укорененными в мировосприятии и позиции Петрарки были выявленные для диалогов представления, обратимся к произведению другого жанра – «Путеводителю к Гробу Господа нашего Иисуса Христа». Начнем с того, что в этом небольшом сочинении имя «Италия» фигурирует 14 раз (на 39 страницах текста, если определять объем в понятиях современных форматов). Как и в трактате «О средствах», «Италия» в «Путеводителе» – страна, земля, край, родина, территория. Название впервые встречается во вводной части, когда автор рассуждает о том, как много он передвигался «внутри Европы и Италии»¹⁷. Как видим, автор выделяет Италию из остальной Европы, обозначая тем самым ее географическое единство. Писатель не раз обращает в путеводителе внимание на то, что Италия отделена от других земель со всех сторон.

«Свое» и «чужое» явно разделяют и читатели «Путеводителя», к которым автор обращает такие слова: «Ради Христа вы покидаете свою страну и отправляетесь в другие земли»¹⁸. Речь идет о Ближнем Востоке, а значит, Италия отделена не только от заальпийской Европы, но и от Азии. Кстати, *Asia Minor* появляется, когда речь заходит о географическом пункте, от которого путь идет в направлении Святых мест. Она наделяется политически актуальными характеристиками: «...теперь весьма агрессивная страна под властью турок, врагов истины»¹⁹.

Интересен сам взгляд автора на Италию: это взор «отъезжающего», как он сам говорит, покидающего страну в данный момент. У Италии есть «ворота», «части», «края» (области), провинции. Воротами оказывается Генуя. Петрарка не скупится на детальные топографические и этимологические комментарии: «Название Генуи происходит от слова «дверь»; потому что Генуя – дверь в наши земли» (*nostris orbis*). Здесь единство страны обнимается словом «наши»²⁰. И это не случайная обмолвка. «Наши земли» встретятся не менее пяти раз, равно как при-

¹⁷ *Petrarca*. 2002b. Pr. 7.

¹⁸ *Ibid.* P. 16.3.

¹⁹ *Ibid.* P. 15.0.

²⁰ *Ibid.* P.2.1.

вычно используемое словосочетание «наша страна». Генуя вырастает перед читателем как «вход» в общий дом. Иными словами, география и топография Италии воспринимаются как единое целое.

Оглядывая другое, восточное побережье, Петрарка характеризует его особенности «от Равенны до мыса Мизенит», рассуждает о «большой части Италии». Вновь и само побережье, и Италия соединены в некое целое. «Нашими» становятся и берега, – хоть между Генуей и Леричи, хоть между Равенной и южными городами. Гуманист не жалеет слов для восхищенного описания красоты природы. Он указывает на «прекрасные долины, бегущие ручьи, возвышенности», указывает, что «весь берег богат пальмами и кедром», поэтически замечает, что у реки Фреддо «вода и песок искрятся на солнце». И вновь это – разные части одного целого. «Частью Италии» назван Неаполь и его окрестности. Словом, «частей» несколько, и, думается, Петрарка намеренно не обозначает ни одну из них как обособленную политическую единицу, даже любимое Неаполитанское королевство. Это словно бы вторично. В перечне географических ориентиров Петрарка использует и такое понятие как «край Италии»: одним из таких краев назван «самый дальний западный мыс»²¹. Перед нами расстилается большое территориальное и историко-культурное пространство со своими краями, частями и входами.

Ясно, что автор не хочет вбрасывать в путеводитель факты, свидетельствующие об отсутствии единства страны. Возникает даже вопрос: не считает ли Петрарка это явление временным, не полагает ли, что его «Путеводитель» переживет данную полосу в истории Италии, и читатели следующих веков должны быть ориентированы на главное, непреходящее, культурное и историческое единство его родины? В любом случае, Петрарка забывает о раздробленности как о чем-то проходящем, менее значимым для пилигрима, чем историческое единство Италии.

Очень внушительно на тему единства Италии работает выкликание городов. Их названо около 60-ти, многим дана историческая и географическая характеристика. О Генуе, например, сказано, что в римские времена она была провинцией римского государства, частью, которую следовало охранять особенно тщательно. Подчеркнуто, что Генуя может гордиться своими «мужами и стенами». Она превращается под пером автора в пример «культурного соединения» прошлого и настоящего. Для Пизы отмечена ее древность, Рим, естественно, назван «царем городов». Несколько раз определение «город» адресуется Милану,

²¹ Ibid. P.12.1.

«прибрежный город» – Неаполю. Петрарка кратко проговаривает историю мест и городов как части единой большой истории. Он ведет отсчет городов от римских времен или даже более древних, припоминая происхождение названий. История Генуи увязана в кратком рассказе с богом Янусом, основателем Италии. История Гаэты связывается с именем няни Энея, Террачины – Анхизом. Особенно мощной и выразительной оказывается в «Itinerarium» историко-археологическая география античности: вольски, колонии, цари, места их пребывания, войны, императоры, политические изгнания, ссылки, убийства, естественно, сопровождаемые четкими оценками автора. Прошлое «прорастает» в настоящее, «сигналист» названиями, преданиями, мифами, фактами.

Неожиданным в сочинении такого типа оказывается внимание автора к некоторым политическим реалиям недавнего прошлого и настоящего: Сицилийская вечерня, борьба за море между Пизой и Генуей. Но в целом, как отмечалось выше, автор не останавливает перо на теме политической раздробленности. Читатель, как и в случае с трактатом «О средствах», почти забывает о множестве границ и законодательных установлений, о политических изгнанниках и политических заключенных, малых и больших территориях.

«Itinerarium» обнуживает не только необычность предлагаемого Петраркой маршрута (от Генуи), но и большие различия в описании его этапов. Всего их можно выделить восемь; при этом подробность и азартность описания стремительно падают с «движением» на Восток: из 75-ти упомянутых пунктов 60 приходятся на Западную часть Италии (при этом от Генуи до Пизы – 20, от Пизы до Рима – 18, от Рима до Неаполя – 15). На всю Малую Азию обозначено 11. Из этого становится еще яснее, что для автора не Восток, даже не Святая Земля и не Средиземноморье составляют центр притяжения, внимания и рекомендаций для путешественника. Святые места (Иерусалим, Вифлеем) обозначены крайне скупо, через простое перечисление чудес и событий Святой Недели. Другие города только названы в рамках скупого же описания маршрута, о турках сказано два слова – враги истины (*veri hostium*). Главной темой на протяжении всего текста остается Италия.

Текст позволил исследователям выделить, по крайней мере, 7–8 групп источников, среди которых, наряду с привычными – средневековые хроники, легенды, свидетельства очевидцев, собственный опыт и познания, лингвистические и топонимические данные. Впервые зафиксирован факт самоцитирования; отмечены приемы исторической критики. Точками «схождения» всех «географий» и привлечения всех видов

источников можно назвать характеристики Генуи, Рима, Неаполя. Описание последнего особенно выразительно: Неаполь рисуется как центр живой культурной связи прошлого (Вергилий) и настоящего (Джотто, король Роберт), дохристианского и христианского, культурного и исторического миров. При этом культурное достояние (скажем, фрески Джотто) представляется именно как общеитальянское. Показательны «планы», избранные Петраркой: он помнит о религиозной составляющей путеводителя, называет христианские достопримечательности Неаполя и окрестностей, но начинает с Вергилия, его могилы, мифов и легенд о нем, продолжает королем Робертом и собой, и только в завершающей части эпизода обращается к христианским памятникам.

«Путеводитель» обнаруживает во многих случаях прямую переключку с диалогами трактата. Петрарка занят большими вопросами в большом сочинении, а «Путеводитель» становится их конкретным преломлением и детальным развитием в «национальных» моментах.

Если кратко коснуться инвективы «Против того, кто хулит Италию», написанной в самом конце жизни (1373 г.) и имевшей полемический характер, то она, как специальное сочинение, посвященное Италии, «выдает» яснее всего национальные чувства Петрарки. Папский кардинал из «французской партии» критиковал послание Петрарки к Урбану V, в котором гуманист призывал понтифика вернуться в Рим (папская курия еще находилась в «авиньонском пленении»). Ясно, что сочинение вобрало в себя опыт жизни и творчества, подытожило размышления о политических судьбах Италии и Рима²². Инвектива проникнута «чувством нации». «Италия» (это название встречается более десяти раз) и «Галлия» полемически противопоставляются друг другу от начала до конца текста. И по сути дела страны в глазах гуманиста различаются: Италия – это территория культуры и цивилизации, Галлия – «варварский край»; они между собой «несопоставимы»²³.

Понятия «нация», «национальность»²⁴ используются как известные всем читателям, равно как и понятия «италик», «грек», «македонец», «испанец», «галл». Они употребляются и самим Петраркой, и его оппонентом Жаном де Идэном. Например, в качестве аргументов в споре о достоинствах или недостатках Рима как места пребывания папства. Рас-

²² Перевод инвективы на русский язык см.: *Петрарка*. 1998.

²³ Там же. С. 373.

²⁴ Там же. С. 384–385 и др. Ввиду многочисленности и разбросанности по всему тексту инвективы понятий и определений, интересующих нас, отсылки на ее страницы далее будут даваться вслед за приведенными терминами прямо в статье.

суждая о писателях или общественных деятелях, которыми гордились римляне, и тот, и другой вспоминают, где их родина, оттуда они. Скажем, Иседэн, дабы доказать, что многие великие писатели вовсе не римляне по происхождению, и Италии особенно нечем гордиться, напоминает, что «Сенека родом из Испании» (с. 386). Чуть дальше и Петрарка подтверждает как общеизвестное: «да Аристотель не был италиком» (с. 386).

Первым по частоте употребления становится слово «италик» (*italicus*). Поясним, что понятие «италик» рождается под пером Петрарки уже в ранних письмах и не исчезает до последних сочинений. В «Инвективе» оно фигурирует 9 раз (с. 367, 386, 388–389). В семантическое поле этого понятия включаются «италийские силы» (с. 372), «италийские города», (с. 388); не один раз Петрарка противопоставляет «итальянское происхождение» «варварскому» (с. 367), и за этим стоит обозначение различий природного, культурного и исторического характера. Он называет отличительные черты «галлов», «азиатов», «италиков», «фригийцев», «парфян» и других народов «врожденными человеческими свойствами» (с. 389). При этом полагает, что переселения в иные земли меняют характер и «нравы», признает, что даже «наши римляне, переселившиеся в Галлию или Германию, впитали природу и варварские обычаи этих областей» (с. 389). Иными словами, начинает подходить к истолкованию национального характера как исторического явления, подверженного культурно-историческим изменениям.

Он выказывает познания и в вопросах происхождения народов и их «нравов». Так, он напоминает Иседэну, что галлы «имели предками друидских жрецов, а те утверждали, что галлы произошли от подземного бога Дита» (с. 387). Петрарка, конечно, не может упустить случая и не подчеркнуть исторически более длительную приверженность римлян в сравнении с галлами к христианству, каковая для него – знак включенности в великую духовную культуру. Он противопоставляет «кночь» галльского языка «ясному полдню» римского христианства эпохи Иеронима (IV в.), а «латинское красноречие» «галльскому невежеству». Есть и попытки высмеять какие-то черты поведения и характера галлов ради уязвления оппонента: «истинно галльское легкомыслие» (с. 368), «высокое мнение о себе» (с. 369), «надменные галльские головы с пером на шлемах» (с. 373), «пустое самомнение» (с. 381), «невежество галлов» (с. 385). Это не мешает ему признать, что «у варваров-галлов и доньше есть уважение к добродетели, хотя и самое малое» (с. 376), или что они «самые мягкие из варваров» (с. 370). С другой стороны, в споре

с «галлом» (так назван оппонент) Петрарка рассуждает по поводу особенностей национального характера италиков или римлян как народа.

«Итальянский» и «римский» у Петрарки часто выступают рядом как понятия одного ряда, синонимы: например, он говорит о Цицероне как писателе «итальянском и римском» (с. 384), и далее в разгаре спора бросает ключевую фразу: «Мы не греки, не варвары, а италики и латиняне» (с. 386). Тем самым автор ясно обозначает самобытность своего народа: он имеет собственное лицо в сравнении с культурными народами (греками) и, тем более, с народами варварской периферии. Нетрудно увидеть, что ключевые понятия «варвары», «латиняне» прочно усвоены Петраркой из римской литературы и общественных представлений античных времен. На первый план выходит гордость за великий Рим как «высочайшую вершину мира». Для римлян-италиков важнейшими чертами «национального характера» оказываются «великая доблесть в военных делах при всякой фортуне» (с. 379), «величие, более поразительное при неблагоприятных обстоятельствах», «то, что в счастье они остаются трезвыми и умеренными» (с. 381), «непреклонный отказ от всяких приношений» (с. 382), «то, что никого нет благодарней, чем римский народ» (с. 383). Огромная тема «Римского мифа» у Петрарки выходит за пределы данной статьи, здесь кажется необходимым подчеркнуть хотя бы одно: этот миф рождался не на пустом месте, и он способствовал укоренению представлений об «исторических» и «культурных» чертах характера италиков, их моральном единстве. В целом, в инвективе фраза за фразой наращивается аргументация в защиту Италии, ее великого прошлого, ее культуры. Среди аргументов – привычные отсылки на философа Сенеку, историков Тита Ливия, Саллюстия, Флора, десятки примеров из доблестного римского прошлого, десятки напоминаний о его великих достижениях в области культуры и науки.

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям. Думается, что самый большой вклад в утверждение идеи нации или, по крайней мере, чувства нации, гуманист внес своей собственной жизнью и своим культурным патриотизмом. Он ясно проступает во всех проанализированных нами текстах в неизменном виде, обогащаясь от одного к другому за счет деталей и сюжетов. Через все сочинения проходит национальная и патриотическая тема. Она обозначена лексически многократным употреблением слов «наш», «наше», «наши»; использованием понятий «части», «ворота», «края» Италии, «наша земля», «народы Италии», «жители Италии», «италики», «латиняне»; развитием «римской идеи».

Особенно отчетливо рисуется роль гуманиста в «Путеводителе». Тема Италии не просто ведущая во всем этом сочинении: оно «итало-

центрично» от первой до последней строки. Интересна фигура Вергилия, на которой не было возможности специально остановиться в данной статье. Его жизненные дороги (Мантуя – Милан – Неаполь – Таранто) и его судьба связывают в глазах Петрарки Италию в единое целое; он выступает в роли главного культурного «гида», несет в себе образ общепитальянского поэта всех времен. У Данте Вергилий – вожатый по миру ирреальному, хотя и пронизанному реальностью от начала до конца, у Петрарки – по Италии и миру реальному, отмеченному авторской гордостью за великое культурное прошлое и настоящее. Одновременно «Itinerarium» углубляет и уточняет автопортрет Петрарки, обнаруживает новые черты в манифестации его гуманистического самосознания.

«Путеводитель» позволяет назвать Петрарку духовным объединителем Италии, а «Инвектива против того, кто хулит Италию» — ее патриотом и защитником, интеллектуалом, который начал дело пробуждения нации и осмысления вклада великого прошлого в формирование черт национального характера.

Изучение трех разных по жанру текстов, вышедших из-под пера Петрарки в зрелые годы его творчества, позволяет сформулировать несколько общих заключений-гипотез. В кратком изложении их можно представить следующим образом: (1) культурное прошлое Италии создавало объективную платформу формирования отдельных черт национального характера эпохи Ренессанса и раннего Нового времени; (2) Петрарка реально оказался культурным связным, культурным объединителем Италии: в ситуации многовековой раздробленности страны он «будил», одновременно формировал заново национальное самосознание; с ним в сложной и противоречивой связи находится национальный характер как явление, вбирающее в себя исторические порядки жизни, глобальные политические и военные реалии, социальные успехи и катастрофы, устойчивые культурные традиции; (3) интеллектуалы и творцы эпохи Возрождения актуализировали культурные традиции античного прошлого и одновременно за два столетия заложили значительный пласт собственно ренессансных традиций, повлиявших на формирование национального сознания Нового и Новейшего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. 2. Франческо Петрарка. СПб, 1914. С. 3–23.
- Петрарка Ф. Инвектива против того, кто хулит Италию // Франческо Петрарка. Сочинения философские и полемические / Сост., пер. с лат., коммент., указат. Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. М.: РОССПЭН, 1998. С. 367–390.

- Petrarca F.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (трактат «О средствах против превратностей судьбы», кн.1) / Пер. с лат., комм., указ. Л. М. Лукьяновой; ис- следов. раздел Н. И. Девятайкиной. Саратов: Наука, 2008. С. 5–98.
- Baldassari G.* Unum in locum. Strategie macrotestuali nel Petrarca politico. Milano: LED – Edizioni Universitarie Lettere, 2006. 274 p.
- Cachey Th.* «Peregrinus (quasi) ubique»: Petrarca e la storia del viaggio // Rivista di storia delle idées. Bologna: Il Mulino, 1997. Dicembre. № 27. P. 369–384.
- Dotti U.* Le prospettive storico-politiche di Petrarca nella crisi del Trecento (Cola di Rienzo l'impero- il Principe) // Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna . Atti del XVI Convegno internazionale (Chianchano-Pienza, 19–22 luglio 2004) / A cura di L. Tarugi. Firenze : Franco Cesati Editore, 2006. P. 205–218.
- Gallico K.* La musica a Milano nel Trecento // Petrarca e la Lombardia. Atti del Convegno di Studi (Milano, 22–23 maggio 2003) / A cura di G. Frasso. Roma-Padova: Editrice Antenore, 2005. P. 75.
- Laurdens P.* Un aspect de la fortune du De remediis de Petrarque en Europe du Nord: de illustration a la mise en emblems // Francesco Petrarca, da Padova all'Europa: atti del convegno internazionale di studi 17–18 giugno 2004 / A cura di G. Belloni et al. Roma-Padova: Editrice Antinore, 2007. P. 234–237.
- Lentzen M.* La fortuna del De remediis utriusque fortunae del Petrarca nei Paesi di lingua tedesca: Sebastian Brandt e il Petrarca // Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna . Atti del XVI Convegno internazionale (Chianchano-Pienza, 19–22 luglio 2004) / A cura di L. Tarugi. Firenze: Franco Cesati Editore, 2006. P. 361–372.
- Petrarca Fr.* De remediis utriusque fortunae // Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris: Jérôme Millon, 2002a. Vol. I–II.
- Petrarca F.* Itinerarium ad sepulchrum domini nostri Gehsu Christi // Petrarch's Guide to the Holy Kand / Ed. and transl. by Theodore J. Chachey Jr. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2002b. P. 83–160.
- Petrarca politico: atti del Convegno: Roma-Arezzo, 19–20 marzo 2004 . Roma: Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 2006. 191 p.
- Rivella M.* Il concetto di fortuna dalle Controversiae di Seneca il Retore al De remediis utriusque fortunae di Francesco Petrarca // Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianchano-Pienza, 19–22 luglio 2004) / A cura di L. Tarugi. Firenze: Franco Cesati Editore, 2006. P. 593–608.
- Špička J.* Strategie dialogu v Petrarkově «De remediis», Olmouc, 2005 (diss). 176 s.
- Špička J.* Petrarca: Homo politicus. Praha: Argo, 2010. P. 211–253.
- Девятайкина Нина Ивановна*, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина; *devyatay@yandex.ru*